волода и Святополка. Эти указания не сохранились в тексте Соф. 1-й и Новг. 4-й. но в них имеется указание на число лет княжения Владимира Всеволодовича, ошибочно названного в Соф. 1-й Ярославичем: «отъ Володимера лѣта 4». Владимир Мономах вступил на Киевский стол в 1114 г; следовательно, приведенное указание сделано в 1118 г. Это согласуется со сделанным выше предположением, по которому вторая редакция «Повести временных лет» доводила летописный рассказ до 1117 г. включительно и, следовательно, составлена в 1118 г. Итак, возвращаемся к сделанному нами выводу: указание на смерть Святополка не читалось в Несторовой летописи и внесено в ее текст игуменом Сильвестром.

Другим примером вставки в текст Несторовой летониси может служить следующее место. Под 6604 (1096) г. летописец сообщает свои предположения о происхождении Половцев; ссылаясь на Мефодия Патарского, он утверждает, что Половцы, равно как Торкмены, Печенеги и Торки, принадлежат к числу тех восьми колен Измаиловых, которые бежали в пустыню, после того как остальные четыре колена были избиты Гедеоном. Засим читаем несколько неожиланно: «И по сихъ 8 коленъ к кончине века придуть заклібпении в горів Александромъ Македоньскым нечистыя человівкы». Неясно, зачем было летописцу, объяснившему происхождение Половцев, отвлекаться от своего изложения для того, чтобы привести пророчество Мефодия Патарского, относящееся не к Половцам, не к восьми коленам Измаиловым, а к последующему времени, к кончине века. В виду отсутствия связи с предыдущим редактором, ищем связи этих слов споследующим. Вслед за ними летописец сообщает о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем: из этой беседы он узнал о заключенных за высокими горами народах на далеком севере за пределами Югры и Самояди; рассказ Гюряты напомнил летописцу о нечистых народах, заклепанных, по сообщению Мефодия Патарского, Александром Македонским за высокими горами, из которых они выйдут только к кончине века. Итак, можно представить себе ход Несторова рассказа под 6604 (1096) г. в следующем порядке: объяснение происхождения Половцев вызвало ссылку на Мефодия Патарского; после этого летописцу вспомнилось другое место Мефодиева откровения, где сообщалось о нечистых людях, заклепанных Александром Македонским; это место соединено было им раньше, в беседе с Гюрятой Роговичем, с рассказом последнего о народах, живущих на севере за высокими горами; поэтому летописец привел свою беседу с Гюрятой. Но такое объяснение летописного рассказа и его непоследовательностей встречается с следующим затруднением. Летописец вводит свой рассказ о Гюряте Роговиче хронологическим указанием: «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 л'ьтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичь Новгородець». Гюрята мог беседовать с летописцем в Киеве, но могдо быть и так, что летописец беседовал с ним в Новгороде, на Новгородском севере. Если допустим эту возможность, то получим основание сблизить рассматриваемое сообщение летописца с тем сообщением летописца, которое читаем в Ипат. и Хлебн. под 6622 (1114) г.: «В се же лъто заложена бысть Ладога камениемъ на приспъ, Павломъ посадникомъ, при князъ Мьстиславъ. Пришедшю ми в Ладогу.